

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КРИСТИН ЛЁНЕНС

ПТИЦА В КЛЕТКЕ

РОМАН

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(8Нo3)-44
Л 450

Christine Leunens
CAGING SKIES
Copyright © 2008, 2014 by Christine Leunens
All rights reserved

Перевод с английского Елены Петровой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © Е. С. Петрова, перевод, 2020
- © З. А. Смоленская, примечания, 2020
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-16212-9

Моему мужу Акселю

Ложь опасна не тем, что противоречит истине, то есть не имеет отношения к реальности, а тем, что подменяет собой реальность в людских умах. Разлетаясь, как по ветру, семена лжи прорастают в самых неожиданных местах, и в один прекрасный день у солгавшего перед глазами возникает одинокое, но вполне жизнестойкое дерево, выросшее на голом склоне утеса. Такое зрелище способно и озадачить, и поразить того, кто солгал. Как попало сюда это дерево? На чем держится? Взросшее на бесплодной неправде, оно зеленеет наперекор всему и не собирается засыхать.

Стоило мне отпустить от себя ложь, как вместе с нею пришли в мир и жизни тех, о ком пойдет мой рассказ. Но мне придется с большой осторожностью распутывать ветви, чтобы разобраться, какие произросли из истины, а какие из фальши. Удастся ли спилить обманные ветви, не покалечив раз и навсегда все дерево? Наверное, правильнее было бы просто выкорчевать его и перенести на плодородную равнину. Но риск

Кристин Лёненс

слишком велик, ибо мое дерево приспособилось к неправде, пустило в нее сто один корень, научилось терпеть жажду и не ломаться на ветру. Так и гнется оно зеленой загадкой на полпути к вершине, так и растет под прямым углом к высокой безжизненной скале. Однако же ствол не валится на землю, и листва не гниет в росе, а пересади его на равнину — этого будет не избежать. Кривым стволам не дано распрямиться; точно так же и мне самому не дано распрямить спину и вернуться в свои двадцать лет. Да и сме-на таких суровых условий на благодатные добром не кончается, как ни крути.

Но я нашел выход. Если начать рассказывать правду, то утес будет крошиться — осколок за осколком, камень за камнем. А какая судьба постигнет мое дерево? Поднимаю к небу сжатый кулак и возношу молитвы. Куда их занесет, там, надеюсь, дерево и приживется.

I

Родился я в Вене 25 марта 1927 года: Йоханнес Эвальд Детлеф Бетцлер — пухлый безволосый младенец, как свидетельствуют фотографии в альбомах моей матери. Перелистывая альбомные страницы, я всегда развлекался тем, что угадывал по рукам, кто держит меня перед объективом — отец, мать или сестра. Как видно, я ничем не отличался от других младенцев: улыбался во все десны, проявлял неподдельный интерес к пальцам на ногах, а пюре из чернослива охотнее размазывал по физиономии, нежели съедал. Обожал розового кенгуру размерами вдвое больше меня, деловито таскал его за собой; когда мне в рот кто-то сунул сигару, я отнесся к ней с отвращением, — во всяком случае, такой вывод подсказывает мой зареванный вид.

Не менее близок, чем с родителями, был я с дедом и бабушкой — естественно, с отцовской стороны. Деда и бабушку с материнской стороны я никогда не видел: Ома и Опа¹ погибли под

¹ Die Oma (нем.) — бабушка, der Opa (нем.) — дедушка.

лавиной задолго до моего рождения. Уроженцы Зальцбурга, Ома и Опа слыли настоящими асами пеших и лыжных походов. Опа с закрытыми глазами различал птиц по голосам, а деревья — по шороху листвы на ветру. Мама не преувеличивала, отец это подтверждал. У каждого дерева свой особый шепот — так, по его словам, объяснил ему когда-то Опа. Я много слышал от мамы про ее родителей, узнал их и полюбил. В ту пору они уже были где-то на небесах, рядом с Богом, наблюдали за мной сверху и оберегали. Если среди ночи мне требовалось сходить на горшок, никакое чудище не могло выскочить из-под кровати, чтобы схватить меня за ноги; никакой злодей, надумавший пырнуть меня ножом в сердце, не мог прокрасться ко мне в спальню.

Моего деда с отцовской стороны у нас в семье нарекли Пимбо, а бабушку — Пимми, причем добавляли к ее имени уменьшительно-ласкательный суффикс «-хен»; получалось, что мы именуем ее ласково и в то же время слегка приуменьшаем. Прозвания эти выдумала в раннем детстве моя сестра. Пимбо впервые увидел Пиммихен на костюмированном балу, какие в Вене были нередки: она вальсировала со своим красавцем-женихом, одетым в военную форму. Когда жених отошел за шампанским, дедушка направился за ним следом и выразил свое восхищение прелестью его будущей жены, но в ответ услышал, что офицер приходится ей братом, после чего Пимбо не дал ему ни единого шанса вновь пригласить сестру на танец. Бабушкин брат, Эггерт,

Птица в клетке

остался не у дел: все остальные дамы выглядели просто дурнушками рядом с нашей бабушкой. Дед подвел своих новых знакомых — уходили они втроем — к патентованному автомобилю фирмы «Бенц», который его владелец оставил за конными экипажами, по-хозяйски облокотился на открытое сиденье, воздел глаза к небу и мечтательно произнес: «Вот незадача: авто всего лишь двухместное. Однако сегодня такой погожий вечер, не пройтись ли нам пешком?»

В Вене к Пиммихен сватались двое завидных кавалеров из высшего общества, но она предпочла им моего дедушку, сочтя его самым представительным, остроумным, обаятельным и вдобавок вполне обеспеченным. Но тут она дала маху. На самом деле о таких, как он, даже бюргеры говорили «беден как церковная крыса». Особенно поиздержался он в период ухаживания, когда водил бабушку в лучшие рестораны и оперные театры, спуская взятую в банке ссуду. Но в этом повествовании было некоторое лукавство: ссуду он взял за неделю до их знакомства, сумел на эти средства открыть небольшой заводик, выпускавший утюги и гладильные доски, но вполне обеспеченным сделался не вдруг: на это ушли годы упорного труда. Пиммихен любила повторять, что наутро после свадьбы на смену омарам и шампанскому пришли сардины и вода из-под крана.

Уте — так звали мою сестру, — не дожив четырех дней до своего двенадцатилетия, скончалась от диабета. Когда она колола себе инсу-

лин, мне запрещалось входить к ней в комнату, но однажды, услышав, как мама велит ей делать инъекции в бедро, а не в исколотый живот, я послушался и застукал сестру в тот миг, когда она задирала выше живота подол зеленого платья. Как-то раз, придя из школы, она вообще забыла сделать себе укол, а на мамин вопрос ответила «ја, ја»¹, но после этих бесконечных инъекций такой ответ прозвучал не подтверждением, а отговоркой-рефреном.

Как ни печально, сильнее, чем моя сестра, врезалась мне в память ее скрипка: лаково-черная, с ребрышками, с хвойным запахом канифоли, которая использовалась для натирки смычка и взлетала легким облаком при первых нотах. Иногда сестра позволяла и мне попробовать, только не прикасаясь к конскому волосу, чтобы он не почернел, и не натягивая смычок, как делала она сама, чтобы он не лопнул, да к тому же не вращая колки, чтобы не повредить струну, но я был слишком мал, чтобы все это упомнить. Стоило мне провести смычком по струнам и извлечь какой-нибудь звук, приятный мне одному, как сестра с миловидной подружкой заливались хохотом, а мама срочно призывала меня к себе, якобы не справляясь с какой-то работой по хозяйству без помощи своего доблестного четырехлетнего отпрыска. «Йоханнес! Йо-Йо, голубчик мой!» Я делал очередную попытку провести

¹ «Да, да» (нем.).

Птица в клетке

смычком по прямой линии, как показывала мне Уте: смычок норовил ткнуться в гриф, в стену или кому-нибудь в глаз. Тогда меня лишали скрипки и выставляли за дверь, невзирая на мои яростные вопли. Помню, как сестра с подружкой, прежде чем запереть дверь изнутри и продолжить музыкальные занятия, давились от смеха и непременно гладили меня по голове.

Такой же мою сестру запечатлели фотографии, стоявшие у нас в гостиной на консольном столике, и с течением времени мои воспоминания одно за другим застыли в ее позах. Среди житейских перипетий мне становилось все труднее вызывать в памяти ее движения, ее дыхание и даже лицо без этой лучезарной улыбки.

В возрасте шестидесяти семи лет Пимбо тоже умер от диабета, пережив Уте менее чем на два года, хотя при жизни не подозревал о своем заболевании. Когда он восстанавливался после пневмонии, его недуг, протекавший в скрытой форме, вдруг дал о себе знать, и бабушку охватила неизбывная скорбь: он считал, что моя сестра унаследовала эту болезнь от него, а значит, он повинен в ее смерти. Мои родители говорили, что он просто не стал бороться за жизнь. В то время Пиммихен уже исполнилось семьдесят четыре года; мы не могли допустить, чтобы она доживала свой век в одиночку, и взяли ее к себе. Поначалу она была против — не хотела стать нам обузой и каждое утро во время завтрака убеждала моих родителей, что скоро их освободо-

дит, но ни родители, ни я не слушали ее заверений: никто из нас не желал ей смерти. Каждый год обещал стать для Пиммихен последним, и когда в доме устраивали застолье в честь Рождества, Пасхи или дня рождения, мой отец поднимал бокал, моргал увлажнившимися глазами и говорил, что нам, вероятно, больше не суждено праздновать это событие всем вместе. Шли годы, но мы, вместо того чтобы уверовать в бабушкино долголетие, почему-то возлагали на него все меньше надежд.

Наш дом, один из самых старых особняков излюбленного в Австрии цвета «желтый шёнбруннер», находился на западной окраине Вены, в Шестнадцатом районе, который назывался Оттакринг. Притом что лежал он в городской черте, нас частично окружали леса, Шоттенвальд и Гемайндевальд, а частично — зеленые луга. По возвращении домой из центра города у нас всегда возникало такое чувство, будто мы живем не в столице, а где-то на природе. Тем не менее Оттакринг вовсе не считался самым престижным районом; наоборот, он слыл одним из худших, и все из-за соседства Хернальса. Своей дурной славой наш район был обязан тому, что его оконечность, вытянутую в сторону города, населяла, по выражению взрослых, публика низкого пошиба — то есть, как я сейчас понимаю, бедняки, которые пускались во все тяжкие, лишь бы только выбраться из бедности. Но мы, к счастью, жили от них в стороне. Пусть из окон сво-

его дома мы не могли любоваться холмистыми виноградниками, которые прославило ароматное *Weißwein*¹ из обласканного летним солнцем винограда, но до их подножья могли домчать по извилистым дорожкам на велосипедах буквально в считанные минуты. Из окон виднелись только соседские дома, а именно три, окрашенные в «старое золото» и «охотничий зеленый» — самые распространенные альтернативы «желтому шёнбруннеру».

После смерти деда заводик перешел к моему отцу. Тот накопил необходимый опыт при жизни Пимбо, работая начальником цеха. Мама предупреждала, что расширение производства чревато разными опасностями; тем не менее отец объединился со «Скобяными товарами Якова»: эта компания была не больше «Утюгов Бетцлера», но экспортировала свою продукцию в самые разные страны и получала солидные прибыли. Отец говаривал, что сто процентов от нуля — все равно ноль, как ни крути, а ломтик пирога — это уже кое-что. Новым партнерством он был доволен, и вскоре «Яков унд Бетцлер» уже поставляли на экспорт свои модернизированные утюги вместе с прочими скобяными товарами. Отец купил глобус и как-то после ужина показал мне на нем Грецию, Румынию и Турцию. В моем воображении тут же возникли древние греки, римляне (мне представлялось, что римлянами

¹ Белое вино (нем.).

зовутся жители Румынии) и турки в отутюженных до жесткости туниках.

Из раннего детства мне особенно запомнились два эпизода, хотя их нельзя отнести ни к самым грустным, ни к самым счастливым событиям тех лет. По сути, безделицы в превосходной степени, но по какой-то причине память сохранила именно их. Как-то раз, когда мама ополаскивала салат-латук, я увидел кое-что среди листьев, причем впервые в жизни: затаившуюся улитку, которую мама ловким щелчком отправила в мусор. Мусорных ведер у нас было несколько, и в одно шли очистки, кожура и яичные скорлупки, которые потом закапывались в саду. Я побоялся, что среди отходов улитка объестся и лопнет. Поскольку у меня была аллергия на животных, мама не разрешала мне завести ни собаку, ни кошку, однако сейчас, в результате моего нытья и своих недолгих раздумий, она с брезгливой гримасой все же позволила мне вытащить улитку и поселить в миске. Мама проявила неслыханную доброту. День за днем я кормил мою улитку листьями салата. Выросла она до невиданных размеров — с мой кулачок. Ну почти. Заслышав мое приближение, высовывала голову из раковины, покачивала туловищем и шевелила рожками — медленно, в своем улиточьем ритме.

Как-то утром спускаюсь я из спальни, а улитка пропала. Долго искать не пришлось: отлепил я ее от стены и вернул на место. Это вошло в при-

Птица в клетке

вычку: каждый вечер она уползала, продвигаясь все дальше, а я начинал свой день с поисков: отлеплял ее от ножек стола, от коллекционного мейсенского фарфора, от обоев или от чьей-нибудь обуви. Однажды я немного проспал, и мама сказала, что сперва нужно позавтракать, а уж потом искать, и то если я не буду опаздывать в школу. С этими словами она поставила на скамью поднос с моим завтраком, и мы услышали хруст. Она перевернула поднос вверх дном — и точно: там была улитка, вся облепленная осколками. В моем возрасте считалось уже зазорным плакать так, как заревел я. На этот вой примчался отец, решив, что я напоролся на кухонный нож. Отец спешил на работу и не мог ничем помочь, а мама пообещала склеить улиткин домик. Я был в таком состоянии, что мне в конце концов разрешили остаться дома.

Мама отправила меня за клеем, но побоялась, что клей просочится сквозь трещины и отравит улитку, а потому предложила просто орошать ее водой, но за какой-то час моя бедная подружка совсем скукожилась. Тогда Пиммихен посоветовала нам съездить на Альбертинаплац в магазин французских деликатесов «Ле Вильер» и купить упаковку раковин виноградных улиток-эскарго. Примчавшись домой, мы положили в миску новехонькую раковину, но за этим ничего не последовало: моя улитка отказалась от новоселья. В конце концов мы сами пересадили в новую раковину этот увядший комочек жизни

с прилипшими к спине осколками. Через два дня наших неустанных забот и печалей стало ясно, что моя любимица умерла. И если я переживал ее смерть тяжелее, чем впоследствии — потерю сестры и бабушки, то лишь потому, что еще не повзрослел — во всяком случае, настолько, чтобы понять: кто ушел, того уже не вернешь.

А второй эпизод нельзя даже назвать событием. По пятницам родители всегда ходили в гости, на выставки или в Оперу, а мы с Пиммихен растапливали на сковороде целую пачку сливочного масла и клали туда шницель. Вооружившись вилками, мы занимали позицию перед плитой, макали в сковороду кусочки хлеба и горяченными вилками отправляли их в рот. А на сладкое Пиммихен жарила *кайзершмаррн*: смешивала, зачерпывала и выливали на сковороду все продукты, которые были мне запрещены, и в мгновение ока готовила блюдо, равно восхитительное на вид и на вкус. Обычно я и мечтать о таком не мог: мама считала, что любые питательные кушанья вызывают диабет. Знала бы она... Но оттого, что ни одна живая душа, и в особенности мама, не ведала о нашем лакомстве, оно становилось еще вкуснее.

Как-то в середине марта 1938 года отец взял меня с собой к сапожнику, тачавшему обувь для инвалидов. Месяц и год я запомнил потому, что близился мой день рождения — мне исполнилось одиннадцать лет, а у сапожника на стене висел календарь. В ожидании мы сидели на лав-

Птица в клетке

ке, и я считал дни до своего праздника, потому что знал, какой подарок сделают мне родители: коробчатый воздушный змей, причем из Китая. У моего отца было плоскостопие, которое, вообще-то, не считается большим дефектом, но на работе ему за целый день не удавалось даже присесть, и у него болели ноги. Пиммихен там же заказывала себе баретки и с большим уважением относилась к герру Груберу. Она утверждала, что этот мастер преобразует человеческое житье-бытье, поскольку больные ноги лишают стариков воли к жизни. Изготавливая обувь, герр Грубер считал своим долгом учитывать все мозоли, бугры и косточки, какие появляются с возрастом. Продукция его шла нарасхват, что подтверждала очередь из пяти-шести человек, скопившихся в тот день у него в тесной мастерской, где пахло кожей и дубильным составом.

Чтобы скоротать ожидание, я болтал ногами, и тут вдруг снаружи донесся неопиcуемый рокот, словно небо падало на землю. Мне захотелось выскочить и посмотреть, что там происходит, но отец велел закрыть дверь, чтобы не сквозило. В следующий миг мне показалось, будто вся Вена скандирует одни и те же слова, но так оглушительно, что разобрать их не представлялось возможным. Пришлось спросить у папы, но он тоже не понял смысла, хотя, следя за движением минутной стрелки, все больше мрачнел. Зато герр Грубер даже бровью не повел — он снимал мерки с мальчика, ставшего жертвой дет-

ского паралича: одна нога у этого бедняги была сантиметров на десять короче другой. Когда подошла наша очередь, мой отец уже весь издергался, но герр Грубер как ни в чем не бывало перешел от его ступней к голениям, чтобы проверить, не различаются ли они по длине, ибо малейшая разница губительна для позвоночника. Ко всем заказчикам герр Грубер относился одинаково — как говорила моя бабушка, с душой.

Наш обратный путь лежал через Хельденплац, и там — никогда не забуду — было невиданное столпотворение. Я спросил у папы, сколько же там народу — миллион? Но он сказал, что, скорее, несколько сот тысяч. Для меня разница была невелика. Я смотрел на это людское море — и как будто сам в нем утопал. Какой-то дядька что есть мочи горланил с балкона Нойе-Хофбурга, заряжая толпу и своей яростью, и своим энтузиазмом. Что меня поразило: человек сто взрослых и детей облепили памятники — причем конные — принцу Евгению и эрцгерцогу Карлу, чтобы сверху наблюдать за происходящим. Мне тоже приспичило забраться повыше, но, как я ни упрашивал, отец запретил. На площади играла музыка, звучали приветственные возгласы, развевались флаги: веселись не хочу. Зрелище было невероятное. На всех флагах красовался знак, похожий на четыре лопасти ветряной мельницы: казалось, подуй ветер сильнее — и они закружатся.

Домой мы ехали на трамвае; папа отвернулся к окну и смотрел в никуда. Я обиделся, что меня

Птица в клетке

не допустили к общему гулянию. Папа же ничего не терял, правда? Ну разве что десять минут своего времени. Он сидел ко мне в профиль; папины черты лица отличались мягкостью, но, когда он застыл с кислой миной, я, к стыду своему, подумал, какой он сейчас некрасивый. Губы стиснуты, лицо напряженное, нос прямой и суровый, насупленные брови, глаза неотрывно смотрят в одну точку, как будто меня вообще рядом нет. Даже аккуратно причесанные волосы казались не более чем данью профессии: лишь бы побольше продать. В голове у меня вертелось: отец больше заботится о делах, о прибылях, о заводе, а вовсе не о том, чтобы его родным весело жилось. Но когда злость улеглась, мне стало его жалко. Волосы уже не казались такими прилизанными, кое-где они стояли торчком, особенно на макушке, где намечалась лысина. Когда трамвай вошел в поворот, я всем весом привалился к отцу и спросил:

— Фатер¹, а что это за дяденька выступал с балкона?

— Тот дяденька, — начал он и, не оборачиваясь, любовно приобнял меня за плечи, — не имеет отношения к таким ребятам, как ты, Йоханнес.

¹ Der Vater (нем.) — отец.

II

Примерно через месяц к нам явились двое мужчин с носилками и предложили доставить бабушку на избирательный пункт для участия в референдуме по поводу аншлюса — иными словами, для того, чтобы она смогла выразить свое согласие или несогласие с возможным присоединением Австрии к германскому рейху в качестве его провинции. Мои родители отправились голосовать с раннего утра. Бабушка пребывала в приподнятом настроении — такой я не видел ее с того дня, когда она, возвращаясь из аптеки, куда пошла за ментоловой мазью для коленей, упала на обледенелом тротуаре и сломала шейку бедра.

— Удачно, что я в тот день отправилась в аптеку, — сказала она членам выездной комиссии. — Теперь забыла, что такое артрит, да-да! О коленях я нынче даже не вспоминаю, потому что бедро болит куда сильнее! Лучшее лекарство от боли — это другая боль.

Члены комиссии, явившиеся в элегантной форме, натужно улыбнулись, а я готов был про-

Птица в клетке

валиться сквозь землю: мне было ясно, что для них моя бабушка — никакая не Пиммихен, а чужая старуха.

— Сударыня, проверьте: вы не забыли удостоверение личности? — спросил один.

Пиммихен говорила бойко, а слышала плохо, поэтому за нее ответил я, но меня она тоже прослушала. Не умолкала она даже на носилках, такая Клеопатра, плывущая к своему Цезарю, и один из помощников чуть ее не уронил; тогда она сострила, что летит над Вавилоном на ковресамолете. Рассказала о прежней жизни — своей и своих родителей — в ту пору, когда образ мыслей и государственные границы были иными, поведала, как мечтает снова увидеть Вену процветающей имперской столицей, и выразила надежду, что союз с Германией поспособствует восстановлению утраченной пышности Австро-Венгрии.

Вернулась бабушка во второй половине дня, совершенно без сил, и тут же легла спать, но с утра пораньше уже восседала на диване, борясь с газетой, раскинувшей два непослушных крыла. А я сидел голышом здесь же, на ковре: мама пинцетом вытацила у меня из спины осиное жало, потом еще одно — из шеи, а затем протерла места укусов ваткой со спиртом. После этого она принялась искать у меня клещей, причем в самых нелепых местах: между пальцев на руках и на ногах, в ушах, в пупке. Когда она раздвинула мне ягодицы, я запротестовал, но это

не помогло. Мама предупреждала, чтобы я со своим воздушным змеем не вздумал приближаться к виноградникам.

Опасаясь новых строгостей, я подробно объяснил, что произошло. Вначале отправился я на луг, но ветер там был очень слабый, и мне пришлось нестись как угорелому, чтобы только поднять змея в воздух, а чтобы он не рухнул на землю, пришлось и дальше бежать со всех ног: стоило хотя бы на минуту остановиться, как веревки провисали и змей падал; бежал я, бежал — и сам не заметил, как добежал до виноградника, но там сразу остановился, как положено, честное слово, мутти¹, а змей вдруг взял да и упал среди виноградной лозы — не мог же я его там бросить. Это ведь замечательный подарок от тебя и от фати².

— Если в следующий раз опять будет слабый ветер, — ответила мать, через каждые несколько слов дергая меня за вихры, — будь любезен бежать не к виноградникам, а в другую сторону. На лугу достаточно места. — Поглядев на меня сверху вниз, она скептически изогнула бровь и швырнула мне скомканную одежду.

— Хорошо, муттер³, — пропел я, радуясь, что избежал наказания.

Одевался я неуклюже; мама, как и следовало ожидать, дала мне шлепка и сказала «Dummer Bub» — дурачина.

¹ Mutti (нем.) — мамочка.

² Vati (нем.) — папочка.

³ Mutter (нем.) — мама; мать.

Птица в клетке

— «Девяносто девять целых и три десятых процента голосов отдано за аншлюс», — прочла вслух Пиммихен и хотела взметнуть руку в победном жесте, но неудачно: рука бессильно упала на диван. — То есть почти сто процентов. Ну и ну! — Передав разрозненные страницы моей матери, она сомкнула веки; мама без единого слова отложила газету в сторону.

В школе вводились разные новшества, возникла сумятица, изменилась даже географическая карта: название «Австрия» было вымарано и заменено на «Остмарк» — провинцию рейха. На смену старым учебникам пришли новые, то же происходило и с учителями. Я расстроился, что не успел попрощаться с герром Грасси. Это был мой любимый педагог; шесть лет назад у него училась моя сестра и тоже души в нем не чаяла. Во время первой переключки, сообразив, что я — младший брат Уте Бетцлер, он внимательно взгляделся в мое лицо, ища черты фамильного сходства. Родительские знакомые говорили, что у нас с сестрой одинаковые улыбки, но тогда, в классе, я не улыбался. Уте занималась у герра Грасси как раз перед смертью; мне невольно подумалось, что учитель должен помнить ее лучше, чем я сам.

На другой день он попросил меня задержаться после урока и показал мне сделанный из кокосовой скорлупы ковчег с вырезанными из редких пород дерева фигурками африканских животных — кого там только не было: жирафы,

зебры, львы, мартышки, гориллы, аллигаторы, газели, причем самцы и самки, всякой твари по паре. У меня, наверное, глаза на лоб полезли, когда я склонился над его столом. Учитель сказал, что нашел этот ковчег в тысяча девятьсот девятом году на рынке в Йоханнесбурге (названном как будто в мою честь), это столица Южной Африки, а теперь хочет подарить его мне. Мое счастье омрачалось только чувством вины: не в первый раз смерть Уте гарантировала мне подарки и знаки внимания.

На смену герру Грасси пришла фройляйн Рам. Свое появление она объяснила так: темы, которые давал нам прежний учитель, и девяносто процентов тех фактов, которые он заставлял нас вызубривать, забываются уже в подростковом возрасте, а потому бесполезны. Стоит ли так разбазаривать государственные средства, если можно найти им другое применение, с пользой для нации? Мы — новое, привилегированное поколение, стало быть, нам повезло: мы первыми ощутим преимущества обновленной школьной программы и будем осваивать те дисциплины, к которым наши родители не имели возможности даже прикоснуться. Мне оставалось только посочувствовать родителям, и я для себя решил вечерами непременно делиться с отцом и матерью теми знаниями, которые они недополучили. Из книг мы теперь черпали куда меньше сведений, чем раньше. Основным предметом стала физкультура, и мы часами упражнялись

Лёненс К.

Л 450 Птица в клетке : роман / Кристин Лёненс ; пер. с англ. Е. Петровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-16212-9

Кристин Лёненс родилась в США, училась в Гарварде, работала в Европе (в том числе — фотомоделью *Paco Rabanne, Givenchy, Nina Ricci*), живет в Новой Зеландии. Она автор трех романов, переведенных на 16 языков. «Блистательное пополнение в ряду, начатом такими шедеврами, как „Книжный вор“, „Мальчик в полосатой пижаме“ и „Татуировщик из Освенцима“, — писал о «Птице в клетке» журнал *My Weekly*. Не скупился на похвалы и бюллетень *Historical Novel Society*: «Роман редкой силы, глубины и эмоциональной бескомпромиссности. Лёненс принципиально отказывается сглаживать острые углы. Ее камерная драма по-толстовски содержит квинтэссенцию целой эпохи». Итак, познакомьтесь с Йоханнесом Бетцлером, уроженцем Вены, 1927 года рождения. После аншлюса, когда Австрия становится частью нацистской Германии, он поступает сперва в Юнгфольк, затем в Гитлерюгенд, а с началом войны подносит снаряды зенитчикам. Так вот, представьте себе его шок, когда он узнает, что его родители скрывают дома еврейскую девочку...

В январе 2020 года в мировой прокат выходит киноверсия «Птицы в клетке» (в ролях Скарлет Йоханссон, Сэм Рокуэлл, Стивен Мерчант, Томасин Маккензи). Фильм уже получил Гран-при на кинофестивале в Торонто и две премии *The Hollywood Film Awards* — за лучшую операторскую работу и лучшие декорации, а также номинирован на премию Ассоциации кинокритиков Голливуда в четырех категориях.

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(8Н03)-44

Литературно-художественное издание

КРИСТИН ЛЁНЕНС

ПТИЦА В КЛЕТКЕ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Юлия Теплова

Подписано в печать 17.12.2019. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,2.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-SMN-24642-01-R